

«Мои убеждения официально признаны умопомешательством»

Истории политических заключенных, отправленных на принудительное психиатрическое лечение

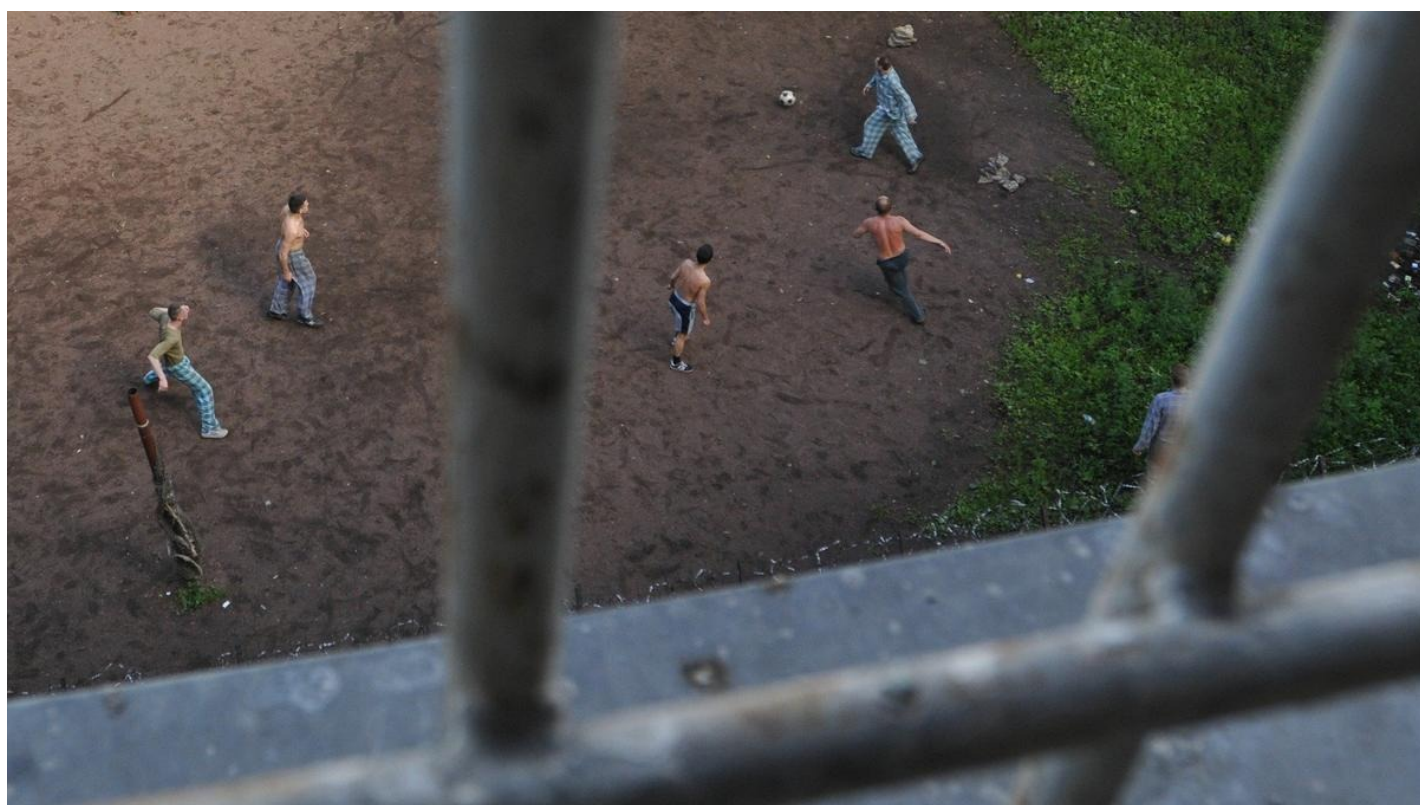

Фото: ITAR-TASS

07:35, 25 апреля 2024,

Зоя Светова

обозреватель «Новой»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

По мере того как политических активистов или простых граждан, позволяющих себе писать в соцсетях свое мнение по поводу СВО, все чаще обвиняют в «фейках» и «дискредитации», расширяется и практика принудительного «лечения» политических заключенных в психушках.

История член-корреспондента РАН Сергея Абрамова стоит в перечне подобных дел особняком. Он побывал в психушке, но его признали вменяемым, и вот 6 мая в Переславском районном суде Ярославской области будет рассматриваться дело член-корреспондента РАН об экстремизме.

«Зачем из моей жизни вычеркнули эти 12 дней?»

Ученого обвиняют в финансировании экстремистской деятельности, а именно — в переводе \$75 на счет ФБК*.

Также, по версии следствия, Сергей Абрамов «поддерживал деятельность экстремистской организации» и финансировал ее, «придерживаясь экстремистских взглядов и позиций, испытывая недовольство действующей в России властью и проводимой политикой». Сергей Абрамов свою вину отрицает и утверждает, что никаких денег не переводил, переводы были сделаны с его банковской карты без его ведома.

Само дело против Абрамова беспрецедентно — впервые к уголовной ответственности по политическому обвинению привлекается академический руководитель такого уровня: член-корреспондент РАН, руководитель Института программных систем имени А. К. Айламазяна с 2003 по 2022 год, научный руководитель от России суперкомпьютерных программ между Россией и Белоруссией, ректор Университета Переславля, доктор физико-математических наук.

Сергей Абрамов. Фото: соцсети

Год назад в доме Сергея Абрамова под Переславлем был проведен обыск, ученый полтора дня просидел в СИЗО, потом суд изменил ему стражу на домашний арест. В июне 2023 года Абрамова включили в список экстремистов и террористов Росфинмониторинга.

Были заблокированы все его личные счета, а также счета четырех компаний с его участием, две из которых занимаются компьютерными технологиями. Осенью 2023 года ему изменили меру пресечения на подписку о невыезде. А в ноябре неожиданно для Сергея Абрамова и его защиты следователь ФСБ вышел в суд с ходатайством о проведении член-корреспонденту РАН стационарной судебно-психиатрической экспертизы для проверки его вменяемости(!).

До этого в отношении ученого уже была проведена амбулаторная экспертиза, которая не смогла дать четкого ответа о его психическом здоровье.

Вспоминая о данной амбулаторной экспертизе, проведенной в

Ярославле, Сергей Абрамов отмечает, что после обычных биографических и стандартных вопросов, касающихся вменяемости-невменяемости, психиатры стали интересоваться материалами уголовного дела.

Это его насторожило: «Они вдруг стали меня спрашивать: когда я совершал преступление, понимал ли я последствия? А я в ответ им говорил, что не признаю вину. Они меня успокаивали: «Вы же не на суде. Мы просто хотим узнать, когда вы совершали преступление, понимали ли, к чему это приведет?» Тогда я понял, что мои ответы вызывают у них раздражение, ведь я объяснял им, что преступления не совершал, но прекрасно понимаю, к чему приводят подобные действия. Мой адвокат мне потом объяснил, что

во время таких экспертиз иногда добиваются признания вины и оно потом «ложится» в дело».

В общем, стационарная экспертиза не смогла установить, вменяем ли 67-летний член-корреспондент РАН, который якобы в 2021 году семь раз перевел ФБК* по тысяче рублей. И суд решил, что необходимо оправить его в Ярославскую психиатрическую больницу. Обычно стационарная экспертиза занимает около месяца; если надо, возможно продление срока.

Внутри Ярославской психиатрической больницы. Фото: соцсети

Сергей Абрамов провел на стационарной экспертизе всего 12 дней: врачи отпустили его, потому что быстро справились с экспертизой, признав член-корреспондента РАН вполне вменяемым.

Абрамов описал свое пребывание в Ярославской психбольнице в тексте «Записки несумасшедшего» и опубликовал их на сайте Invariant***.

Впечатление от того заведения у ученого остались самые положительные:

«Персонал меня потряс до глубины души. Это высшего уровня милосердие, вот именно милосердие по отношению к пациентам. Там люди абсолютно разные, у каждого разный статус: кто-то под следствием, кто-то уже с приговором, я же был на подписке о невыезде для

проведения экспертизы. Я слышал, как психиатры говорили с людьми: «Ну а как у вас дома? Сейчас мы с вами закончим, а дома-то хоть кто-то вас ждет? Мы в вашем случае рекомендуем заменить наказание на лечение. Думаем, что это для вас более комфортно».

Понимаете, что такое нормальная, нормальная психиатрическая клиника, когда она не карательная? На самом деле, наверное, лучше, чем зона. Они говорят: «Мы, конечно, так рекомендуем, но поймите нас, дальше — как суд решит». То есть с людьми разговаривают, с людьми работают. То есть вот врачи, которые, наверное, еще помнят, что такое клятва Гиппократова, которая была отменена уже и в Советском Союзе на самом деле».

Сергей Абрамов рассказывает, как проходило его обследование в психиатрической больнице. Ему провели различные исследования: рентген, анализы и так далее, с ним несколько раз беседовали психолог и психиатры, и в результате получилось заключение, которое Абрамов собирается использовать как доказательство своей невиновности.

«В «подводке» к моему обвинению, — говорит он, — несколько раз повторяется: Абрамов, «придерживающийся экстремистских взглядов и позиций, испытывающий недовольство действующей властью и государственной политикой». Если открыть закон об экстремизме, то там, в частности, говорится про

насилие или угрозу его применения. А также про то, что экстремист испытывает или расовое, или религиозное превосходство. Сравните это с тем заключением, которое обо мне написали психиатры: «Доброжелательный человек, с высокой эмпатией, со склонностью к компромиссам, избегающий конфликтов, рассудительно обосновывает свою точку зрения, не высказывает бредовых идей».

То есть психиатры представили портрет обвиняемого, в корне отличающийся от представления об экстремисте, как оно определено в российских законах.

Я спросила Сергея Абрамова, знает ли он, откуда ноги растут в его деле. Кто его заказал, если он утверждает, что не отправлял денежных переводов в ФБК, знает ли он, кому он мог перейти дорогу?

«Конкретно кто — не знаю, но есть огромное число людей, в том числе во власти, которым я неприятен», — ответил член-корреспондент РАН.

В 2010 году, например, в отношении Сергея Абрамова проводилась проверка, связанная с подозрением в госизмене и работе на НАТО. Разобрались, и Абрамов говорит, что у него есть копия ответа из ФСБ, что «он не шпион».

Что же касается криминальных денежных переводов ФБК, Абрамов утверждает, что они были произведены без его ведома.

Как? «Согласно докладу Центробанка России, в 2021 году в Российской Федерации было зафиксировано 1 миллион с лишним банковских переводов без ведома клиента. То же самое произошло и в моем случае», — объясняет ученый.

По информации сайта T-invariant***, уголовное дело Сергея Абрамова насчитывает 900 страниц, в нем есть «засекреченный свидетель», который утверждает, что Абрамов в разговоре с ним высказался одобрительно в адрес Навального, есть лингвистическая экспертиза постов ученого в социальных сетях.

Защита член-корреспондента РАН будет говорить о том, что в деле нет доказательств, что денежные переводы производились именно Абрамовым, в материалах дела не определены ни время, ни место, ни способ оформления на ежемесячные платежи, не установлено устройство, с которого оформлена подписка, то есть «случай Абрамова» вполне может быть одним из миллиона банковских переводов, произведенных без ведома клиента.

По обвинению, которое выдвинуто против Сергея Абрамова, ему грозит до 7 лет колонии, но в подобных случаях российские суды иногда ограничиваются штрафами.

«Казус Абрамова» интересен и тем, что он в очередной раз показывает: в недрах российской следственной-судебной системы существует негласная установка проверять фигурантов политических дел на вменяемость. В случае с членом-корреспондентом РАН, 19 лет занимающим руководящие должности в научных учреждениях, это выглядит как своего рода оскорбление и унижение. Хорошо, что в Ярославле нашлись профессиональные врачи, которые не пошли на поводу у следствия и суда.

Фото: t-invariant.org***

Дневник несумасшедшего

Вот как подводит итоги своего пребывания в психбольнице Сергей Абрамов в «Записках несумасшедшего»:

«Перед моим размещением в это замечательное учреждение журналист задавал мне такой вопрос: воспринимаю ли я то, что должно произойти, как карательную психиатрию?»

На это я ему честно ответил: «А как я могу оценить это? Я пока не знаю! Пока я там не побывал, я не могу знать, кара ли это. А может, мне понравится? И я посчитаю это не карой, а наградой? Откуда я знаю?»

Так вот теперь уже можно подводить итоги. И это будет

субъективная оценка, в преломлении через мою персону. А я очень адаптивный, приспособливаюсь к совершенно разнородным условиям. Уж если я спал в походах на земле на тонком коврик-пенке, подложив свитер под голову, обходился 10 дней в походе четырьмя вещами, то это значит, что я смогу адаптироваться к достаточно жесткой кровати и постирать сам вещи, когда надо. Могу себе представить, что для кого-то это было бы очень неудобно.

Если я пил воду из реки, зачерпывая ее кружкой, когда плыл на байдарке, то меня устроило то, что в отделении был на столе чайник с остывшей прокипяченной водой из-под крана. Я пил эту воду, ничего страшного со мной не случилось.

Я непритязателен в еде. И в третьем отделении ЯОПБ (Ярославской областной психиатрической больницы) ничего в тарелке никогда не оставлял. Та больничная еда была для меня нормальной едой, а вовсе не карой.

Так как я могу сам себя развлекать, я находил себе какие-то занятия даже в такой изоляции, какая там была. У меня была бумага, ручки, я что-то записывал, что-то рисовал, что-то там себе думал, нахаживал свои 10 000 шагов и т.д., делал каждый день спиральную гимнастику. Поэтому даже эту ситуацию с изоляцией и постоянным надзором я переносил спокойно.

Наконец, у меня был аудиоплеер с аудиокнижками: я объяснил докторам, что у меня очень плохое зрение, мне тяжело читать бумажные книги, поэтому я предпочитаю аудиокниги. И доктора пошли мне навстречу, а могли бы

просто сказать «нет, не положено». Аудиоплеер выдавали утром и забирали перед сном. Днем, примерно в течение 10 часов, у меня был аудиоплеер. Я переслушал много повестей братьев Стругацких, «Театральный роман» М. Булгакова и т.д. Это тоже скрасило мою жизнь в изоляции под надзором.

Я смог адаптироваться настолько, что эта ситуация не являлась для меня карой. Но я могу себе представить, что кому-то другому это было очень и очень тяжело.

Единственным существенным ограничением для меня было отсутствие прогулок на свежем воздухе. И это просто моя особенность. Мне реально эти прогулки необходимы по медицинским показаниям. Во время домашнего ареста первые 2 месяца прогулки мне были запрещены. Я мог выходить на крыльцо и стоять или сидеть в полуметре от открытой двери. Вроде бы как на свежем воздухе, но без движения, выставив ногу с браслетом в сторону этого несчастного отечественного радиоустройства, которое очень капризное. Бывало, что оно теряло связь с браслетом, даже если я просто находился в метре от него, оно без всякого повода поднимало тревогу, что клиент сбежал. И тогда выяснилось, что без прогулок на свежем воздухе у меня значительно повышается давление. И когда в третьем отделении давление повысилось, я пояснил персоналу, что пока не будет прогулок на свежем воздухе, мое давление так и будет временами серьезно подниматься выше нормы. Пообещал, что не помру, а когда я вернусь домой, буду гулять, и давление вернется к норме. Так оно и произошло. Так что отсутствие прогулок на свежем воздухе — да, это было неприятно. Но что поделать?

Наконец, еще одно обстоятельство, которое достаточно тяжелое, — это вопрос: зачем из моей жизни, по сути, вычеркнули эти 12 дней?

Если просто загибать пальцы, что со мной делали и сколько времени на это ушло, то получается, что на работу со мной потрачено максимум девять часов: по полчаса окулист, терапевт, невропатолог, операторы и специалисты рентгена, ЭКГ и ЭЦГ, пару часов психолог и не более четырех часов экспертная группа.

Неприятность состоит в том, что я потерял из своей жизни не девять часов, а 12 дней (хорошо, что не 30 — спасибо большое). И за эти 12 дней на мою персону потрачено какое-то безумное количество бюджетных средств. Меня одевали. Одежду и постельное белье стирали. Меня кормили вкусной и здоровой пищей: завтраками, обедами и ужинами; давали полдники, кефиры. Огромное количество персонала за бюджетные деньги вокруг меня что-то делало: кормежка, медицинский уход, круглосуточный надзор. Зачем все это? Это какой-то overkill!

Опять, это не претензии к третьему отделению ЯОПБ, а скорее вопросы к следствию».

Бессрочное наказание за мнение о СВО

Член-корреспондент РАН Сергей Абрамов предстанет перед судом, и ученого ждет срок или штраф, а вот 19-летний **Максим Лыпкань**, которого обвинили в распространении «фейков» о российской армии за публикацию в его телеграмм-канале с

аудиторией 300 человек, получил бессрочное наказание: его признали невменяемым и он уже почти год находится в Чеховской психиатрической больнице, куда его поместили из СИЗО «Бутырка» еще до вынесения судебного решения и на заседания возили оттуда в Одинцовский городской суд.

Максим Лыпкань. Фото: соцсети

После решения суда Максим Лыпкань там остался, и неизвестно, когда соберется медицинская комиссия, чтобы определить, улучшилось ли его состояние после лечения в стационаре, по-прежнему ли он представляет опасность для общества или можно его отпустить домой для амбулаторного лечения.

Именно об амбулаторном лечении этого молодого человека, мечтавшего получить юридическое образование, который интересовался протестными акциями и пытался согласовать с московской мэрией митинг в годовщину начала СВО (*Максиму Лыпканю это в вину не вменяли в рамках уголовного дела. — «Новая»*), просил на суде один из адвокатов.

Но суд к этим доводам не прислушался. Ему хватило лингвистической экспертизы ФСБ, которая непонятно по какой методике признала, что один из постов в телеграм-канале Максима Лыпканя является клеветническим и расходится с пресс-релизами Министерства обороны.

На суде также выступали знакомые Максима, и их показания были идентичными, как под копирку, а прокурор спрашивал их, являются ли тексты Максима его личным мнением. То есть,

по сути, прокурор подтвердил, что Максима Лыпканя отправили в Чеховскую психиатрическую больницу за мнения.

В той же Чеховской спецбольнице сейчас содержится и **Мария Семеренко**. **Марии** 39 лет, она дизайнер из города Королева Московской области. Ее задержали за «фейки», которые обнаружили в ее постах на личной странице «ВКонтакте». В основном Мария делала перепосты. С 27 апреля 2023 года Семеренко находится на принудительном психиатрическом лечении.

Мария Семеренко. Фото: соцсети

Как устроена жизнь в психиатрической больнице, чем она отличается от жизни в колонии?

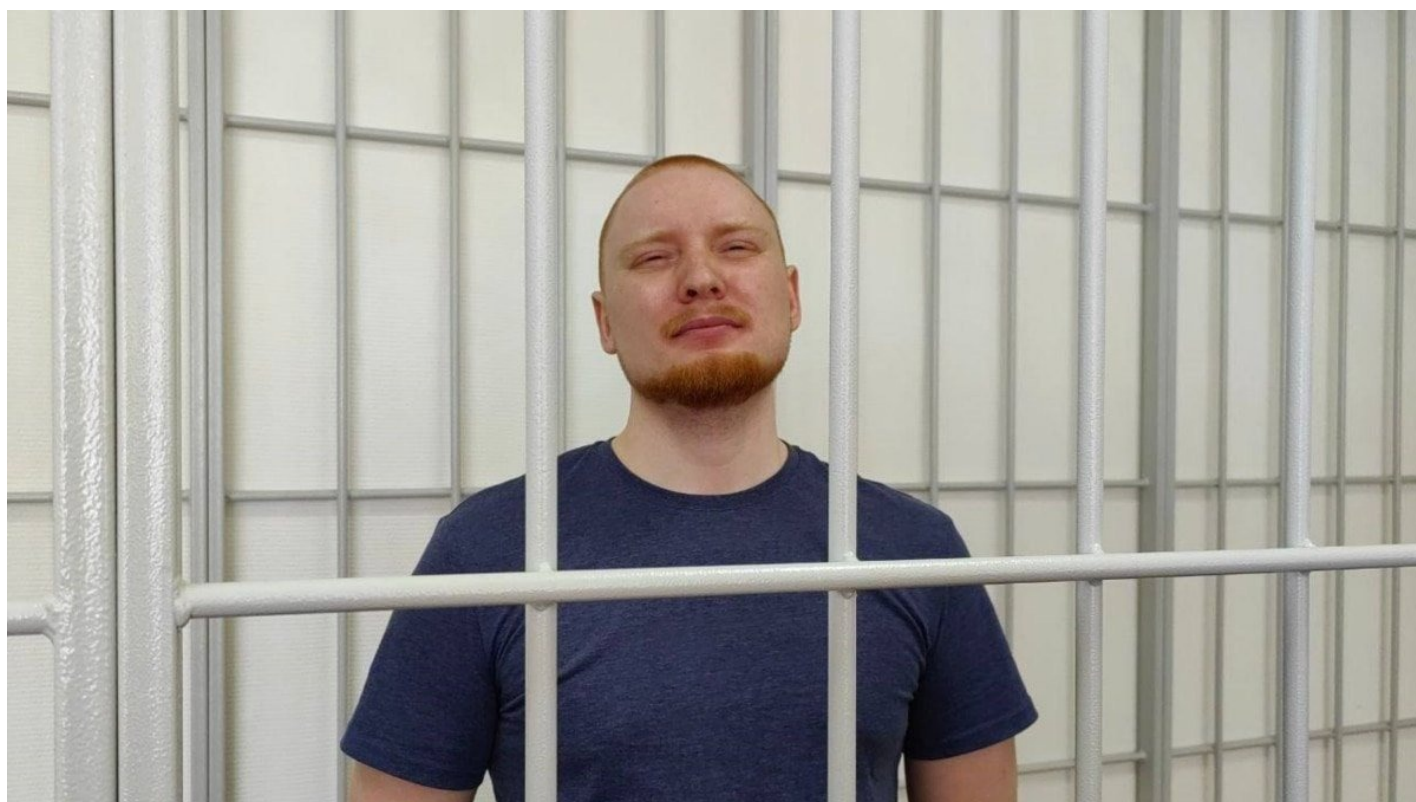
Свидания всегда проходят при медсестрах, которые все внимательно слушают и не разрешают обнять близкого человека даже родителям или адвокатам. В колониях разрешаются краткосрочные свидания через стекло и долгосрочные — на три дня, которые осужденный проводит вместе с родными в специальном помещении, где можно готовить домашнюю еду, вместе смотреть телевизор и общаться.

В отличие от СИЗО или колонии, в психбольнице нет ограничений по количеству свиданий. Но поскольку свидания проходят в самом отделении (как правило, специальной комнаты для свиданий нет), то иногда посетителям приходится подолгу ждать своей очереди. Что касается переписки, то врачи ее читают внимательнее, чем некоторые цензоры в

пенитенциарных учреждениях. Поэтому адвокаты советуют друзьям и родственникам осужденных на принудительное психиатрическое лечение следить, чтобы письма были на нейтральные темы. Тематика писем может влиять на мнение врачей о «выздоровлении» того или иного пациента.

По закону, медицинская комиссия должна собраться через полгода после вступления судебного решения в силу. То есть до повторной комиссии осужденный может провести в психбольнице больше года. И нет гарантии, что психиатры будут руководствоваться медицинскими соображениями, а не «политической целесообразностью».

Чехов, Сыктывкар, Тюмень... далее везде

Роман Паклин. Фото: соцсети

География принудительного психиатрического лечения политзаключенных обширна. Так, например, антифашист, 27-летний **Роман Паклин**, один из фигурантов так называемого Тюменского дела, содержится в психиатрической больнице Тюменской области. Согласно обвинению, шесть анархистов и

антифашистов «занимались террористической деятельностью, подготовкой к свержению власти в России и изготавливали самодельные взрывные устройства». После задержания все фигуранты заявляли о пытках. Роман Паклин — один из основателей либертарной библиотеки в Тюмени, которая собирала книги философского, анархистского и феминистского содержания.

Другая история: в 2022 году 58-летний предприниматель из Коми **Петр Нестерков** решил провести референдум о выводе войск из Украины и переизбрании президента России. В начале 2023 года на предпринимателя завели дело о «публичном оправдании терроризма» и «призывах к экстремизму» из-за комментариев в соцсетях. В ноябре 2023 года Нестерова направили на принудительное лечение в Сыктывкаре.

Петр Нестерков. Фото: соцсети

Еще одно «психиатрическое дело» — в Нижнем Новгороде: 34-летний политический активист **Алексей Оношкин** был арестован по делу о военных «фейках» из-за его постов во «ВКонтакте». Оношкин известен в Нижнем Новгороде тем, что он старался сохранить мемориал памяти погибшей журналистки Ирины Славиной. Второе дело на Оношкина завели о «призывах к терроризму». В октябре 2023 года военный суд принял решение назначить ему принудительные меры медицинского характера в условиях психиатрической больницы специализированного типа, что считается самым строгим наказанием среди всех возможных принудительных мер медицинского характера.

Алексей Оношкин. Фото: соцсети

Латвийскому журналу «Спектр» удалось взять интервью у нижегородского активиста, когда он был уже в психбольнице. Его спросили, почему вместо обвинительного приговора его отправили на принудительное лечение. «Это было сделано для того, чтобы объявить мои взгляды бредом сумасшедшего.

Я высказывался с антипутинских, с антивоенных позиций. Теперь мои убеждения официально признаны умопомешательством, — заявил Алексей Оношкин.

Правозащитный центр «Мемориал»** признан активистов, отправленных на принудительное лечение, политическими заключенными. Это далеко не полный список осужденных по новым политическим статьям, которых суды признают опасными для общества и закрывают в психушках.

* Признан судом экстремистским, деятельность запрещена в РФ.

** Признан «иностранным агентом» и ликвидирован судом.

*** Внесен Минюстом в реестр иностранных агентов.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[«У пациента отмечается наличие сверхценных идей о политике»](#)

Карательная психиатрия возвращается в российскую судебную практику. Чем это грозит обвиняемым?

16:03, 16 ноября 2023, Зоя Светова

[«Пытают в основном молодые сотрудники»](#)

Разговор с главой «Команды против пыток»* Сергеем Бабинцом о том, как насилие стало основой общественного порядка и «правосудия»

17:29, 19 апреля 2024, Вера Челищева, Зоя Светова

«С экспертизой на руках очень удобно вменить недоказуемое»

Что не так с сегодняшней практикой профессионального исследования текстов для судов. Беседа с лингвоэкспертом и участницей громких «политических» процессов Еленой Новожиловой

11:57, 16 апреля 2024, Зоя Светова